

ВЛАДИМИР НЕВСКИЙ

Майское безумие

Владимир Невский

Майское безумие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37664128

ISBN 9785449340856

Аннотация

Любовь – это страсть. Она отнимает покой, нарушает привычный ритм жизни. Она выводит из равновесия. Она заставляет рисковать, будоражит кровь. И мы идём на разные уступки, творим, мечтаем, верим. Парадоксально, но без них любовь не имеет смысла. Она толкает нас на странные поступки, порой безумные. В кульминационный момент этого безумия ничто, кроме избранника или избранницы, не имеет значения. Любовь, быть может, это что-то, что делает нас всех сильнее.

Майское безумие

Владимир Невский

*Поначалу мне казался
Безысходным этот мрак.
Все ж я вытерпел, не сдался,
Но не спрашивайте как.*

Генрих Гейне

© Владимир Невский, 2018

ISBN 978-5-4493-4085-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Свет мой, зеркальце, скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее.

Пропела молодая симпатичная девчонка своему отражению, затем усмехнулась и скорчила рожицу. Давно было уже подмечено умным человеком, что женщина из ничего может сделать три вещи: салат, наряд и скандал. Мудрец явно

совершил одно важное упущение. Женщина с большим талантом может найти изъян во внешности. Большой степени в других, чуть поменьше – в себе. Но изъян этот все равно находится: то фигура, то вес. Далее следует огромный список: глаза, нос, губы, разлет бровей. Абсолютно все подвергается беспощадной критике и анализу. Наконец-то изъян найден, и начинаются душевные терзания и муки. Некоторые представители слабого пола на это обостряют особое внимание, которое может перерасти в комплексы, а там рукой подать до нервных срывов и психологических заболеваний.

Но Стелла относилась к проблеме легко, безболезненно, с большой долей иронии. Но если откровенно, и фигура, и внешность девчонку не подкачали. А те мелкие штрихи, которые вызывали некие сомнения, она легко устраняла с помощью косметики. На столике красовалась косметика от лучших мировых производителей. Дорогая и качественная. Вот тут-то и начиналось великое таинство: превращение из обыкновенной и на первый взгляд совсем неприметной девушки в шикарную, головокружительную женщину, сводящую с ума мужчин всех возрастов.

Настроение было отличное, чему способствовала сумма нескольких причин. За окнами бушевал май. Нежное тепло, благоухание распускавшихся первых цветов, приятная для глаз молодая ярко-зеленая листва очнувшихся от спячки деревьев. Все это придавало импульс, неудержимое стремление, желание жить и радоваться каждому мгновению. А уж

когда тебе всего восемнадцать лет, и атмосфера пропитана романтической аурой, перспективами любовного флирта, новыми знакомствами и до сего неизвестными ощущениями, то радость приобретала космические размеры. Душа жила в ожидании чего-то нового, грандиозного и прекрасного. Хотелось просто беспричинно улыбаться и петь. Стелла и пела, мурлыкала в полголоса свежие хиты, перескакивая с одного мотива на другой.

Наконец, макияж был успешно завершён, девушка ещё раз, более внимательно, осмотрела зеркального визави и осталась вполне довольной.

– Вот теперь я вооружена. Все мысленные и не мысленные виды оружия. словно вождь славного племени Дакота. Берегитесь, враги, трепещите. То есть мужчины, парни, юноши и мальчишки. Сама Стелла Сладкомёдова выходит на тропу войны. Ах, сколько из вас сегодня скальпы потеряют, то бишь головы. И сердечки заодно. Так ведь, мальчишки? – девушка взяла со столика рамку, где на фотографии были запечатлены двое юношей в возрасте двадцати лет от роду.

Стелла прошлась по комнате, включила музыкальный центр, и, уютно усевшись в огромное мягко кресло с фотографией в руке, погрузилась в свои мысли.

С Борисом и Славой она познакомилась две недели назад. На «Празднике пива», который традиционно устраивала местная пивоваренная компания в последнее воскресенье апреля. На главной достопримечательности их неболь-

шого, но очень симпатичного городка – на набережной реки Волги. На танцплощадке выступали местные группы, поп и рок меняли без притязаний друг друга. Пиво лилось рекой, к нему, как почему-то везде принято, сухарики, чипсы, орешки и рыба. Молодежь бесцельно бродила по близлежащим аллеям и скверам, попивала пиво и наслаждалась прекрасной погодой и чудесными видами.

Сама не зная почему, Стелла сразу же обратила внимание на этих парней. Шестым, а может и седьмым чувством, на уровне интуиции, она вдруг осознала, что парнишки интересные, незаурядные и выделяются в однообразной инкубаторной массе молодежи. Первым, что бросилось в глаза, вызывая легкое удивление, было то, что они держали в руках не привычное пиво, а бутылочки с минеральной водой. При этом беседа их протекала в непринужденном и веселом русле. Сначала Стелла некоторое время наблюдала за ними издали, делая определенные выводы. Парни были абсолютно противоположными по внешним признакам. Словно специально подобраны, как домино, черная костяшка и белая. Блондин с голубыми глазами, в брюках, джемпере и до блеска начищенных туфлях. Второй – шатен, кареглазый, с серьгой в ухе, потертом джинсовом костюме и кроссовках. Парни из разных слоев общества, это сразу кидалось в глаза. Однако это не мешало их дружбе, в которой тоже не приходилось сомневаться.

Потом Стелла приступила ко второй части задуманного

плана. Проходя мимо скамейки, на которой и сидели полярно противоположные парни, она «случайно» уронила клатч и не ошиблась в своем прогнозе. Парни в одно мгновение оказались рядом, предлагая помощь. За дежурными и банальными фразами они и познакомились. Блондина звали Борисом, а вот шатен так сильно засмутился, слегка покраснел и буркнул:

– Орех.

– Орех? – Стелла одарила парня своей очаровательной улыбкой, от которой тот впал в глубокий ступор, лишившись дара речи.

– Орешкин Слава, – пришел на выручку Борис и тут же внес предложение. – Здесь недалеко находится небольшое кафе, где варят вполне приличный кофе и пирожных большой ассортимент. Можно посидеть и отметить наше знакомство.

– А как же праздник пива? – ради интереса поинтересовалась Стелла, в душе была рада, что план не давал никакого сбоя. Да и с реки начал тянуть прохладный ветерок.

– От пива растет живот, а от водки печень, – обрел дар речи Слава, но брякнул глупость.

Стелла натянуто улыбнулась. Шутка была неуместна, да и компания была интеллигентной. Орех это тоже понял и вновь вспыхнул румянцем. И снова Борису пришлось спасать неловкое положение. Он галантно подхватил девушку под локоток и направился к кафе, чья яркая вывеска так за-

манчиво завлекала посетителей. Слава шел в метре от них и молчал. Но в кафе, после чашки горячего кофе, ситуация кардинально изменилась. Парни оживленно говорили, тонко шутили, изящно и ненавязчиво говорили комплименты в ее адрес, демонстрируя интеллигентность и образованность. Каждый стремился произвести на девушку большее впечатление. Стелла была приятно удивлена. Что говорить, но среди молодых парней такие особи встречаются все реже и реже. Теперь она понимала, что их дружба базировалась на схожести внутреннего мира, на общих взглядах и интересах. Дружба, проверенная временем, они вместе с первого класса и до институтской аудитории.

На протяжении двух недель они регулярно встречались. Так и ходили троицей в кино, театр, на выставку авангардистов новой волны. И каждое randevу было непохожим на предыдущее. Всякий раз все было по-новому, что придавало ожиданию новой встречи таинственности и трепетного волнения.

– Ну, что, мальчики? – Стелла очнулась от воспоминаний и глянула на снимок. – Как же нам быть? Дружить, конечно, можно и втроем, но рано или поздно кто-то из вас переступит грань. И уже совсем иное чувство сердцем овладеет. Вот тогда-то и придется делать выбор, ибо друг вдруг станет лишним. Третьим лишним.

Она тяжело вздохнула и отбросила рамку. Прикрыла глаза. Самое страшное и мучительное предстояло сделать имен-

но ей – выбрать: либо Борис, либо Слава. Такая перспектива разбавляла радостное настроение горчинкой. Первый раз в жизни она столкнулась с такой дилеммой. А посоветоваться было не с кем. И когда она вдруг открыла для себя, что к восемнадцати лет она так и не обрела настоящую подругу, что нет ни брата, ни сестры, а с родителями особо и не поговорить, ей стало не на шутку тревожно. Даже легкий озноб пробежал вдоль спины.

2

У Орешкина был редкий талант: он мог и конспектировать лекцию декана, и в тоже время размышлять на совсем далекие от экономики темы. Учеба всегда давалась ему легко, без лишнего напряжения. Стоило только раз прочитать текст, как он тут же откладывался в памяти до последней запятой. Так было и в школе, так было и сейчас, в финансово-экономическом институте. Частенько он позволял себе записывать лекции чисто автоматически, не вникая в ее суть. Потом, когда придет необходимость, он прочитает, запомнит и легко сдаст зачет, коллоквиум, экзамен. Теперь же его мысли были далеки от студии, института и экономики развитого капитализма. Он в который раз мысленно проживал последние две недели. В этот период произошел лишь один значимый эпизод, но столь монументальный и грациозный, что разом перечеркнул всю его прежнюю жизнь. Да что там

его жизнь, мир вокруг вмиг переменялся. И словно началось с девственно-чистого листа, еще пахнущего целлюлозой.

В его жизни появилась Стелла Сладкомедова! Она невольно заставила Славу пересмотреть свои жизненные позиции, свое мировоззрение, переоценить каждый прожитый день. Это было и мучительно, и приятно одновременно. Какие-то замашки мазохизма.

Орех бросил на Бориса мимолетный взгляд. Друг старательно записывал лекцию, едва успевая за быстротечной речью декана. Вот кому учеба дается с боем. Вот кто поистине грызет гранит науки.

«А ведь шансов у него больше, – с грустью отметил Слава. – Красавчик-блондин! Мечта любой девчонки. Все при нем. Упакован с головы до пят. Бог ничем не обидел парня. Ум, красота, дом – полное изобилие, родители – золото. Никогда не возникала проблема отцов и детей, переходный возраст прошел без обоюдных обид и упреков, даже незаметно как-то. Институт он окончит с покрасневшим дипломом. Знания – на „четыре“, но доллары все-таки заставят документ принять нужную достойную окраску. Да и будущая работа уже присмотрена и подмазана. Ждет его теплое местечко в одном из преуспевающих банков, с прекрасной перспективой быстрого взлета по карьерной лестнице».

Звонок прервал его невеселые размышления. И сразу же пропала тишина. В аудиторию ворвался шум, шелест одежды, шорох тетрадей, говор сокурсников.

– Пошли в буфет? – хлопнул его по плечу Борис.

– Никакая духовная пища не заменит горячего пирожка с капустой, – согласился Слава.

Пирожки оказались едва теплыми, с вязкой начинкой из картошки. Чай вообще не мог называться чаем, так, неудачная пародия. Но, как говорится, голод не тетка, студент не гурман. Жуй все, что жуется, лишь бы в желудке не образовалась космическая черная дыра.

– Какие планы на вечер?

– Я сегодня выхожу на работу.

– То есть? – удивился Борис.

– То есть я прошел жернова конкурса с красивым названием «кастинг» и занял почетное первое место.

– И? – с нетерпением повысил голос Боря. Его иногда раздражала манера друга вести разговор. Вместо того чтобы сразу, в одном предложении, выложить всю информацию или мысль, Орех начинал дробить, говорить полунамёками, ставя виртуальные многоточия.

– Меня взяли на работу в ресторан «Эра Водолея». Гитаристом. Я уже целую неделю днем репетирую с группой. А вот с сегодняшнего вечера, с шести и до полуночи я работаю.

– Неделю? И ты молчал?

– Сглаза опасался.

Борис молча дожевывал резиновый пирожок:

– А тебе это надо? – спросил он и тут же выругался в ду-

ше. Друг полгода назад потерял в автокатастрофе обоих родителей. Ему надо было как-то жить и продолжать учебу. – Извини, брат.

Орех только слабо повёл плечами. Прозвенел звонок, и друзья поспешили в аудиторию за очередной порцией знаний.

Иногда этот самый редкий пресловутый талант только мешал. Слава пытался сосредоточиться на «финансировании и госбюжете», или, по крайней мере, перестать думать о Стелле, но даже отвлеченные мысли постепенно скатывались на эту девчонку. В конце концов, Орешкину пришлось подчиниться своим не очень радужным умозаключениям.

«Что ж, значит, это судьба. Я сам даю Борису гандикап. Чего-чего, а он своего шанса никогда не упустит. И в моем отсутствии будет окучивать девчонку по всем правилам ловеласа, по науке Казановы. И Стелла, конечно же, не устоит перед таким напором, таким шармом и харизмой». Слава даже вздохнул вслух, но никто особо не обратил на это внимания, и уже через мгновение Орех вновь погрузился в пучину душевных переживаний.

«А может, это и к лучшему. Ты же реалист, Ярик. Так что оцени ситуацию разумно, как принято говорить, на трезвую голову. Сладкомёдова слишком дорогая девочка. Сам видишь, какие она носит вещи, какие украшения, какая эксклюзивная косметика. Тебе не потянуть эту ношу. Рано или очень рано, но недопонимание все-таки вспыхнет, а там вза-

имные упреки и обиды. А после чего – каждый побредет своей дорогой. Общего будущего нет и быть не может. Мрачно-ватая складывается мозаика, но что делать. Жизнь. А раз ты это так прекрасно понимаешь, то и не теряй головы. Не лезь в эту реку. Умный всегда найдет выход из тупиковой ситуации, а мудрый – никогда не попадет в оную. Так что, не смотря на свои двадцать с хвостиком, постарайся, Ярик, быть все-таки хоть капельку мудрым».

3

Обед протекал мучительно долго и скучно. Родители были в очередной ссоре и потому пребывали в «безмолвной войне». Бабушка, аристократка от кончиков волос до педикюра, а больше по прихоти своей, вела себя соответственно. Держала нейтралитет и дистанцию. Делала вид, что ничего не произошло, в основном говорила на тему замечательной погоды и отвратительной внутренней политики российского правительства. Ее, правда, никто не слушал и не поддакивал. Стелла словно со стороны наблюдала за разыгрываемым фарсом, ей было и смешно, и грустно. В семье действовал негласный закон: каждый ее член имел право на независимость и неприкосновенность своей личной жизни. Вполне демократичный и хороший закон. Вначале. Теперь же все больше проявлялась его обратная сторона. Ничего хорошего. Каждый жил в собственном мире, варился в персональ-

ных интересах и потребностях. Не допуская друг друга, все в итоге оказались наедине с заботами и проблемами. Никто даже не мог дать дельного совета, не зная всех тонкостей и подводных течений. Да что там советы, не хватало душевной теплоты на простое человеческое сочувствие. Все они, собравшиеся за обеденным столом, по большому счету, были инвалидами на человечность, точнее: на полное отсутствие ее. От таких выводов на сердце стало плохо и тревожно. Уголки глаз предательски повлажнели, что со Стеллой происходило крайне редко.

Тут ее взгляд остановился на домохозяйке, прослужившей в их доме всю свою сознательную жизнь. Маруся, именно так, и никак иначе, звали представители всех поколений Сладкомедовых. И не было в том ни фамильярности, ни надменности, ни чувства превосходства, даже наоборот: большое уважение и чуточку юморины. Марусю года совсем не меняли. Стелла сколько помнит ее – всегда именно такую, как сейчас. Сорокалетняя пышечка с ярким природным румянцем на щеках, с чуть прищуренными серыми глазами, в которых всегда плескалось доброта. В семье шепотом ходили предания, что Маруся в дикой молодости была *femme fatale*, роковой женщиной. Она многих мужчин свела с ума. Крутила ими на свое усмотрение и в меру желаний. Правда, собственное семейное гнездышко так и не смогла создать, а может, просто не захотела. Предание о том безмолвствовало. Осталась старой девой с огромным жизненным опытом

в вопросах взаимоотношения полов.

Вот с ней-то и можно поговорить откровенно, выворачивая душу наизнанку, поплакаться в жилетку и получить порцию утешений и дельный совет на десерт. Стелла не стала откладывать дело под зеленое сукно и сразу же после обеда прошла на кухню, где попросила у Маруси травяного чая. Сидя за столом с чашкой душистого напитка, она поведала домохозяйке о своей проблеме. Маруся выслушала молодую хозяйку с большим интересом и после небольшого раздумья принялась раскладывать проблему на небольшие порции, ибо малое лечится проще.

– Итак, главное, что я поняла из твоего слегка сбивчивого рассказа, ты не способна самостоятельно разобраться в себе, что и мешает сделать выбор между двумя молодыми людьми. Так?

– Да.

– Они оба нравятся тебе одинаково?

– Да.

– А как быть с критериями? Блондин, шатен, рыжий. Высокой, средний.

– Без разности. У меня нет точного определения типа мужчин, которым я отдаю больше предпочтения.

– Тогда попробуем зайти с другой стороны. По твоим словам получается, что оба парня одинаково умны, вежливы, культурны и интеллигентны?

– Да, так и есть, – подтвердила Стелла. – По крайней мере,

я не нашла ни капельки расхождения.

– А плохие привычки? Алкоголь, курение, ногти грызет?

Последнее заставила девушку улыбнуться, и напряжение как-то спало.

– Они оба бегают по утрам. Не курят, ногти не грызут и в носу не ковыряют. И пьют исключительно минеральную воду.

– Может, закодированные? – Маруся всячески старалась придать разговору налет юмора.

– Не думаю.

– Жаль, что не пьют, – покачала головой Маруся. Она закончила намывать посуду и села за стол напротив Стеллы с большим бокалом горячего шоколада.

– Почему? – искренне удивилась девушка.

– Да имеется один старинный способ. Русский, веками проверенный.

– И какой это? – Стелла была заинтригована.

– Надо сильно напоить парня и посмотреть на его поведение. Если он отправляется в пляс, выделявая различные кренделя, то в мужья он не пригоден. А вот если тихонечко так упал лицом в салат, то не мешкай, девка, хватай и тащи под венец. Он – тюфяк, глина, пластилин. Лепи из него все, что душе угодно.

– Думаю, что это мне не подходит, – весело рассмеялась Стелла.

Маруся задумалась, пощипывая мочку уха.

– Ну, а тебе самой с кем из них больше интересней и спокойней?

– А я откуда знаю? Мы же все время втроем. Не могу же я им сама предложить, мол, сегодня с Борисом, завтра с Орехом. Вы уж простите, мальчики, но мне выбор надо сделать.

– А сами они, значит, не догадываются?

– Выходит, что нет.

– Извращение какое-то, – под нос себе пробурчала Маруся, но тут же, боясь, что Стелла переспросит, добавила в голос. – Трудную ты мне задачку задала, девочка моя. И думаю я так: тебе надо подождать, когда твое сердце охватит любовь, и когда... – Маруся осеклась, увидев, как ее любимица скорчила гримасу.

– Любовь? Ой, не смей меня, Маруся! Любовь – это вполне контролируемое чувство. Вот когда я, наконец-то, сделаю свой выбор, то тогда и полюблю этого человека. А такое, как «любовь с первого взгляда», «безумная любовь», «безоглядная любовь», это все для книжек и фильмов. Человек – существо разумное, значит, он способен манипулировать своими чувствами.

Маруся слегка, чтобы не обидеть девочку, покачала головой. Она категорически была с ней не согласна, но противоречить все-таки не решилась. Стелла говорила с надрывом, с вызовом, с горящими глазами. В такие моменты она не слышала, не видела, не чувствовала ничего, кроме своей правоты.

– Тогда задача упрощается.

– То есть?

– Посмотри на родителей своих друзей. Яблоко от яблони, как известно, – договаривать не стала всем известную поговорку.

– Ага, – Стелла впервые была согласна, закивала головой. – Qualispater, talisfilius. Так говорили древние философы. Каков отец, таков и сын?

– Ну, древних философов я, конечно, не читала, а вот Библию на досуге листаю. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Евангелие от Матфея.

– Опять облом, – развела руками Стелла. – Они ничего еще не рассказывали о своих родителях, а знакомиться с ними еще очень рано, времени прошло недостаточно много.

– Тогда остается последний критерий. Ты же сама можешь определить, кто из них живет более зажиточно.

– Конечно, – удивилась такому наивному вопросу Стелла. – Это же элементарно, Ватсон. Конечно, Борис. У него и VISA-карточка, и костюмы от модельеров, часы золотые, одеколон дорогой. Да и в кафе он чаще расплачивается.

– Вот и весь сказ.

– То есть?

– Девочка моя, запомни: деньги должны идти к деньгам, тогда и в семейной лодке не будет бунта.

– А со Славой, значит, будет?

– Однажды это произойдет, поверь мне. Или он начнет комплексовать, чувствовать себя ущербным и неполноценным. А это сильно меняет характер. Или же ты как-нибудь, может даже ненароком, обмолвишься, что это ты обеспечи- ваешь безбедное существование вашей семьи. И тогда.... То-гда просто ваша лодка перевернется.

Пришло время призадуматься Стелле. Маруся же не сдер-жалась и добавила:

– Я просто постаралась посмотреть на ситуацию твоими глазами. Считать мои слова за чистый совет и уже тем более слепо следовать ему, не стоит.

Но Стелла уже не слышала ее:

– Спасибо, Маруся, – торопливо выскочив из кухни.

4

Первый рабочий день прошел гладко. Сначала Орешкин изрядно волновался и нервничал. Зал был заполнен под за-вязку. Разношерстая толпа, мельтешившие официантки, все это создавало шумовой фон, и Слава никак не мог сосре-доточиться и поймать ритм, фальшивил частенько. Но на исхо-де первого часа он смог-таки заставить себя не думать об ан-тураже и слышать только музыку. Тем более что играли они инструментальные композиции, к которым он питал особую любовь. Успокоился, и время полетело совсем уж незаметно. После того как ресторан закрылся, музыканты поужинали

вместе с персоналом и покинули «Эру Водолея». Было около часа ночи, городской транспорт уже мирно отдыхал в депо. Орешкин пожурил себя за непредусмотрительность. Предстояло либо ловить частника-бомбиста, либо двигать на своих двоих, что грозило отнять много времени и остатки сил. Выспаться он вряд ли тогда успеет, а с утра – институт. Его грустные мысли прервал неожиданный окрик:

– Орех!

– Банзай?! – Слава узнал в парне своего одноклассника и бывшего соседа по подъезду. Правда, это не способствовало их тесной дружбе. Отношения так и остались на уровне поверхностного знакомства.

– С почином тебя. – Банзай крепко сжал руку. – С первым трудовым днем.

– Ты откуда знаешь? – немного удивился Слава.

– А мы крышуем этот ресторан. – Цепким взглядом он окинул автостоянку, которая быстро пустела. – Ты на колесах?

– Я приверженец здорового образа жизни, – пошутил Слава, но тут же вспомнил, что у Банзая с чувством юмора была полная несовместимость, и потому поправил. – Упустил как-то из вида. Придется ловить частника.

– А! – махнул рукой одноклассник. – Бешеной собаке пара верст не крюк. Подкину тебя до дома. Ты все там же живешь? – и, не дожидаясь ответа, направился к новенькой «десятке». Орешкин как-то слышал, что сразу после школы Бан-

зай с головой ушел в криминал, потому и не удивился. Да, честно говоря, размышлять на эту тему совсем не хотелось. Подвезет до дома – и все. Молчать было как-то неприлично, вспоминать школьные годы – банально, да и общего прошлого между ними практически не было. Вот Орешкин и спросил просто так, чтобы заполнить тишину:

– А ты всегда дежуришь до самого закрытия ресторана?

– Почти. Мы меняемся, бригадами. – пояснил Банзай. Молчание его тоже явно угнетало. – Мы контролируем поток посетителей. Чтобы драк там не было, беспорядков всяких, а больше всего, – он засмеялся в голос, немного наигранно, – следим за Судаком.

– Судаком? – не понял Слава. Ему, по большому счету, было все равно, но надо же было что-то говорить.

– Рыбкин Сергей Иванович, – с готовностью пояснил Банзай. – Директор ресторана. Вообще-то, он мужик что надо. Хозяйственный организатор. Бабок умеет стричь с народа. С воздуха делает навар. Но, вот стоит только загудеть, – он звонко щелкнул по кадыку. – Вот тут за ним глаз да глаз просто необходим.

– Социально опасен?

Словосочетание видимо очень понравилось однокласснику, он смеялся аппетитно и от души.

– Имеется у него одна слабость, – продолжал он словоблудство. – По пьянке он может трахаться только в экстремальных условиях.

– То есть?

– Машины, лифты, на мосту – это все цветочки. Фишка у него сейчас – пустыри и помойки, среди мусора и вони, на грязной фуфайке.

– И подруга терпит? – усмехнулся Слава.

– Ха! – вскрикнул Банзай. – А вот законная жена, да и любовница тоже, не в курсе его увлечений. Он даже проституток для этого снимать не желает. Так, ловит случайных девчонок и отрывается по полной. А вот мы и должны смотреть, чтобы грань не перешел, не натворил бы чего лишнего.

– Понятно, – Славе стало так неуютно, противно на душе. «О, времена! О, нравы!» – пронеслось в голове. И находиться рядом с холуем этого озабоченного хозяина жизни стало вдруг так некомфортно и мучительно. Хорошо, что к этому времени они уже приехали. Буркнув слова благодарности, Орешкин поспешил домой.

Двухкомнатная квартира в «хрущевке» встретила его абсолютной темнотой и тишиной. Не включая свет, Слава прошел в комнату и рухнул на кровать. Спустя мгновение он уже крепко спал.

5

– Привет! – Стелла восстановила дыхание после небольшой пробежки. – Извини, я, кажется, немного опоздала.

– Ничего, – Борис протянул букет полевых цветов. – Де-

вешкам по этикету полагается опаздывать.

– А ты один? А где Славик, он же Орех? – настроение у нее было великолепное.

– Орешкин устроился на работу, в ночную смену.

– На работу? А как же институт?

– Он решил совмещать.

– Тяжеловато будет.

Борис намеренно промолчал о тяжелой ситуации друга, зная, как девушки любят проявлять заботу и жалость:

– Ничего, Славка сильный человек. Да и работа у него недельная. Неделю пашет, неделю – отходит. Так что тебе придется терпеть только моё присутствие. Если ты, конечно, не против. – Он ловко подвел разговор к волнующей его теме, с нетерпением ожидая реакции девушки.

– Пока нет, – хитро ответила Стелла и улыбнулась. Одним словом, вопрос так и остался без определенного и конкретного ответа. – Куда идем? – она вновь ощутила чувство трепетного ожидания чего-то новенького и необычного.

Борис немного смутился, что совсем не было на него похоже.

– Не знаю, как ты к этому отнесешься, но мне хотелось пригласить тебя на соревнование по айкидо.

– Айкидо? – это было так неожиданно, что Стелла искренне удивилась, по-настоящему, как в детстве.

– У меня двоюродная сестренка занимается этим видом восточного единоборства. У них сегодня начинаются полу-

финальные бои на призы губернатора. Она попросила прийти, поддержать ее с трибун.

– С удовольствием, – легко согласилась Стелла. – Это для меня абсолютно не знакомо. Будет интересно посмотреть.

– Я рад, – у Бориса отлегло от сердца. И кухню не подведет, и рандеву с девушкой не хотелось бы скомкать. Все удачно сложилось, что не могло не прибавить уверенности и чуточку наглости. Пока они добирались до спортивного комплекса, Борис вводил девушку во все тонкости и правила айкидо. Но Стелла слушала его вполуха, изредка лишь кивала головой. Мысли ее кружились вокруг темы, совсем далекой от спорта. «А может, это знак судьбы? То, что Славик устроился на работу, а Борис остается свободным. Все складывается один к одному, как в пасьянсе. Эх, зря я поспешила пооткровенничать с домохозяйкой. Надо же было мне так опуститься! Надеюсь, что Маруся забудет про этот разговор, и уж тем более, не станет ни с кем делиться тайной. Иначе, придется ставить прислугу на место».

Зрителей в зале было откровенно мало. Айкидо еще не сыскало большой популярности, еще предстояло отвоевывать болельщиков у футбола и большого тенниса. Борис купил ее любимое мороженое.

– А куда он устроился на работу? – поинтересовалась Стелла. Вдруг стало интересно: а зачем Ореху так приспичило устраиваться на работу, при этом не бросать институт. Что такого произошло в его жизни, раз приходится ид-

ти на столь кардинальные меры изменить ее? Неужели пондобились деньги на завоевание ее сердечка? Самолюбие так и завопило от удовольствия.

– В какой-то ресторан, – ответил Борис. – Не то «Эпоха Козерога», не то «Век Стрельца».

– «Эра Водолея»? – осторожно, чуточку напрягаясь, поправила Стелла,

– Ага, наверное, – автоматически ответил Борис. Он был так сильно увлечен происходящим на татами, что не заметил, как Стелла чисто аристократически побледнела. Этот ресторан она знала отлично, ибо он принадлежал ее отцу.

– А кем? – продолжила она расспрашивать Бориса, радуясь, что тот увлечен поединком и не способен был врать и выкручиваться.

– Играет на гитаре в ансамбле.

– Он любит джаз? – удивилась Стелла.

Бой, между тем, закончился технической победой, и Борис переключил на девушку все свое внимание.

– Джаз? – он утратил нить разговора и теперь пытался вновь попасть в тему. – Почему джаз? Нет. Он, кажется, что-то говорил про инструментальную музыку. Гойя, Папетти, Сонтана, ДиДюЛЯ.

– Но в «Эре Водолея» играет джаз-банд! – стояла на своем Стелла и поспешила объяснить. – Я несколько раз была в этом ресторане с родителями.

– Ах, да! – Борис стукнул себя по лбу. – Орех же говорил

мне, что хозяин ресторана решил разнообразить музыкальное меню. Неделя джаза, неделя инструментальной классики. – И только сейчас он поймал себя на мысли, что девушка только об Орехе и говорит. Накатила волна неприятного холода. Он внес предложение:

– А может, пойдем на Волгу? Возьмем катамаран, покажемся по заливу? Погода прекрасная для водных прогулок. Закончим вечер романтикой.

– А сестренка? – с озорством спросила Стелла, интуитивно поняв причину столь резкого перекраивание планов кавалера.

– Она не обидится. Да и бои сегодня особо не впечатляют. Чувствуется, что девчонки перегорели от напряжения до предела. Чем ближе к финалу, тем меньше зрелищности.

– Хорошо, – с радостью согласилась Стелла. Было кощунством убивать замечательный вечер в душном спортзале.

6

В наследство от родителей Орешкин получил не только квартиру, но и гараж, в которой красовались «Жигули» пятой модели. Несмотря на солидный возраст, машина была в отличном состоянии и готова на разные дорожные подвиги. Спустя полгода Слава вступил в наследство, и мог теперь беспрепятственно пользоваться продуктом отечественной автомобильной промышленности. Гараж располагался

всего в трехстах метрах от дома, что не могло не радовать. А цвет авто? Да что там, подумаешь, ядовито-желтый! Дома частенько вспоминали этот случай. Когда подошла очередь на покупку автомобиля, и отец собирался сам поехать на автозавод, мать уговаривала его, чтобы он взял машину любого цвета, только не желтого. Ха, выбора-то тогда не было никакого. И перед покупателями выкатили «пятерки» только лимонного цвета. Вот так в жизни бывает.

Орешкин теперь добирался на работу и обратно только на личном транспорте. Бензин, правда, дорожал каждый день, но все равно это было экономичней, чем услуги такси. А с Банзаем лишний раз встречаться не было никакого желания. Он, конечно же, знал (не с Луны свалился), что существует иная сторона жизни: преступления, проститутки, насилие и грязь. Существовало и дно, да не одно. Но думать об этом совсем не хотелось, словно даже от собственных мыслей боялся замараться.

На работе он уже вполне освоился, а к концу первой трудовой недели стал «своим парнем» в коллективе. Оплата тоже была понедельной, и в воскресенье Славе вручили конверт с его первой зарплатой. На душе сразу стало как-то легко и покойно. Даже гордость пробудилась. А что? Не зазорно! Сам же заработал. Впереди ждала неделя отдыха и абсолютно свободных вечеров. Первым же желанием было отоспаться, как следует отоспаться. А потом – подготовка к летней сессии, проведение генеральной уборки в квартире

и приготовление полноценного обеда. Ранее на это не хватало времени, да и сил тоже. Нет, лекции он не пропускал, но и в конспекты не вникал. Так, писал лишь на «автомате».

С Борисом они встречались только в стенах института. Орешкин не заводил разговор о Стелле, и Борис тактично обходил эту тему. А вот думы о девушке Славу не покидали, регулярно навещали, внося дискомфорт и непонятную тревогу. И вот теперь народилась проблема:

– Завтра понедельник, вечер выпадает свободным, настойчиво требующим заполнения пустоты. Что делать? Как подойти к Борису и навязать свою компанию? Это надо перебрать наглости, чтобы тупо паровозом полететь вперед. Да, как-то я об этом раньше не подумал. Придется Борьку вызвать на откровенный разговор. В конце концов, мы мужики и друзья по жизни. И нюни распускать нам как-то не к лицу. – Так он успокаивал сам себя.

Загнал машину в гараж, проверил, все ли в порядке, и уже было собирался отправиться домой, срезая дорогу, через пустыри с зарослями репейника и глухой крапивы, как услышал женский вскрик о помощи. Он доносился с восточной стороны, оттуда, где заканчивался гаражный кооператив, и начиналась строительная площадка. Без раздумий Слава бросился на крик. Футляр с гитарой больно бил по ноге, но он не обращал на это никакого внимания.

Вот и гаражи закончились, и Орех выскочил на площадку, предназначенную для будущего строительства. Перед ним

нарисовалась отвратительная сцена: здоровый мужик прижимал к земле хрупкое девичье тело и с остервенением рвал на ней одежду. При этом он пьяно ругался и «хрюкал» от предвкушения. В следующее мгновение Слава подбежал к нему и сильным ударом ноги скинул центнер обезумевшего тела с девчонки.

– Какого хрена? – проревел мужик и повернулся глянуть на наглеца, но в тот же миг получил удар кроссовкой по лицу. Смачно хрустнул нос, брызнула кровь, и он потерял сознание, наверное, от болевого шока.

Слава повернулся к жертве этого борова. Девчонка пребывала в глубоком шоковом состоянии. Она сидела, широко раскрыв глаза, и даже не пыталась прикрыть наготу. Хотя и нечем было-то, от одежды остались лишь лоскутки. Одного взгляда хватило, чтобы понять: изверг успел-таки совершить свои грязные намерения, да еще и элементами извращения. У девчонки были искусаны шея, плечи и грудь. Кровь также сочилась из прокусанной губы. Стянув с себя куртку, Слава прикрыл девчонку и помог ей подняться на ноги, осторожно приобняв за плечи, повел в сторону гаражей.

– Ничего, ничего, девочка, сейчас я тебя отвезу в больницу, – и впервые пожалел, что так и не решился приобрести мобильный телефон. Просто раньше в этом не было большой необходимости. Он никому не звонил, по нему никто не скучал. Девчонка остановилась и посмотрела ему в глаза:

– Только не в больницу.

– Но как же? – растерялся Слава.

– Я тебя очень прошу. Не надо. Ни в больницу. Ни в милицию. Я тебя заклинаю. Пожалуйста. – Из больших карих глаз потекли огромные слезинки.

– Хорошо, хорошо, – поспешил успокоить девочку Орех. – Я отвезу тебя домой.

Он довел ее до своего гаража, выгнал «пятерку», помог сесть на заднее сиденье. Потом закрыл гараж, вернулся, сел за руль и завел двигатель:

– Где ты живешь? – спросил он, пытаясь в зеркале поймать взгляд девчонки, но она, словно маленькая мышка, забилась в уголок, пытаясь небольшой курткой прикрыться полностью.

– Не знаю, – шок, видимо, начал тихонько проходить, и теперь она не переставала плакать, беззвучно рыдать, и потому ничего внятного ответить так и не смогла.

Спасательная мысль пришла внезапно. Переключив скорость, Орешкин выехал на трассу.

7

Сладкомедов Олег Иванович был депутатом городской думы. Заниматься бизнесом ему по статусу не позволялось. Однако он был теневым владельцем нескольких точек общественного питания, в том числе и элитного ресторана «Эра Водолея». Дела у него шли неплохо, и в последнее время

только директор ресторана Рыбкин, он же Судак, доставлял проблемы. Слишком часто он стал срываться для удовлетворения своих похотливых желаний. Одно лишь удерживало Олега Ивановича от принятия радикальных мер. Рыбкин имел неоспоримый талант хозяйственника и организатора. Чутье на денежные дела у него было просто отменное. За короткое время он смог из простой заводской столовой сделать самый престижный, самый элитный, и самый посещаемый ресторан в городе. «Эра Водолея» не пустовала, принося хозяину приличную прибыль, растущую из месяца в месяц в геометрической прогрессии. Это не могло не радовать и позволяло расширяться, захватывать потихоньку монополию в одни руки. Вот только бы не участвовавшие нервозатратные и валидольные выкрутасы Судака.

Сегодня как раз и выпала такая ночь. Молодой, но очень способный, а главное преданный до мозга костей бригадир армии Сладкомедова позвонил около часа ночи и заявил:

– Упустили Судака.

– Найти. Даю полчаса, – коротко бросил в трубку Сладкомедов.

Неприятный холодный комок образовался где-то в животе и разливал негатив по всему организму. Да, с каждым новым разом загулы директора становились трудно контролируемы. Жестокость его росла от рецидива к рецидиву. В прошлый раз пришлось обильно умасливать начальника ОВД. Конечно, не своими руками. Но и люди – далеко не ду-

раки. Прошло всего три недели, и вот опять. Как бы на этот раз не вышло еще хуже. Банзай позвонил уже через двадцать минут:

– Я возле вашего дома.

– Хорошо, заходи.

«Дом» – было сказано слишком скромно. Замок – вот точное определение. Скверы, бассейн, теннисный корт, гараж на десяток машин, окруженные высоким забором из красного кирпича.

Сладкомедов вышел на открытую веранду, где опустился в большое мягкое кресло. Через минуту на дорожке появился бригадир. Олег жестом пригласил подняться к нему, присесть на соседнее кресло. Символически плеснув в бокал коллекционного коньяка, он приказал:

– Рассказывай, – и устало прикрыл глаза.

– Нашли его на новостройке. Пьяного и избитого. Дело он свое успел-таки сделать, трах.... Ой, простите, Олег Иванович. Изнасиловал, короче, потому как валялся со спущенными штанами. Сам был в отключке, со сломанным носом.

– Кто его? – едва разлепив губы, поинтересовался хозяин.

– Не думаю, что это баба, жертва то есть. Потому как кругом валялись клочья разорванной одежды. Если Судак вошел в раж, то у девчонки не хватило бы сил нанести такой удар. Был кто-то третий.

– Наследил?

– Нет. Сушняк такой, земля пересохла, как асфальт. Вот

крови много.

– Где он сейчас?

– Ребята повезли его в больницу. И нос надо поправить, и кровь почистить.

– Хорошо, – хотя хорошего вообще ничего не было. – Свободен. – Сладкомедов усталым жестом отпустил бригадира. Оставшись в одиночестве, он выпил коньяк, не чувствуя изысканного вкуса. – Что ж, Судак, на этот раз, кажется, ты легко отделался. Расквadrat твою гипотенузу! Но терпение мое уже переполнено. – Вздыхнул и пробудил болезненное воспоминание.

Случай этот произошел, когда Олежке было двенадцать лет. Праздновали Новый год, и кто-то из взрослых поинтересовался у него на счет мечты. Мальчик серьезно ответил:

– Заработаю много денег. Куплю большого слона. Потом обошью его мехом и убью, как мамонта.

Все засмеялись, кроме дяди Сёмы. Он работал психологом и узрел в этом опасность. Долго потом он с ним говорил, промывал мозги. И после этого разговора Олег даже муху убивал с внутренним содроганием.

И вот теперь аукается. Захват монополии в городе, наверное, остается только мечтами. Одна черта всегда мешала Олегу идти к цели семимильными шагами: он был слишком мягок в отношении конкурентов. Старался всегда полюбовно решать все конфликтные вопросы, и обычно это не приносило ожидаемого результата. Он просто не мог отдать при-

каз на физическое устранение оппонента. Не мог, и все!

– Эх, дядя Сёма, дядя Сёма, все мечты мне ты разрушил, – вновь вздохнул Сладкомедов, стяхивая воспоминания и направляясь в дом.

8

Не успел Орешкин выехать за город, как пошел первый, такой долгожданный майский дождь. Он с каждой минутой набирал силу и мощь и вскоре обратился в ливень. Слава не имел большого опыта водителя, а дорога стала мокрой, видимость резко упала, даже дворники с трудом справлялись с потоками воды. Пришлось до минимума сбросить скорость. В салоне висела гробовая тишина, Орех был весь сосредоточен на дороге, а девушка, выплакав все слезы, успокоилась, затихла. Слава привык к этому безмолвию, и потому резкий звук заставил его вздрогнуть. Он нажал на тормоза, тяжело выдохнул и обернулся. Девчонка уснула, свернувшись калачиком, подтянув острые коленки к груди, уронила при этом гитару на пол. «Замерзла», – подумал Слава и включил печку.

Спустя полтора часа он доехал до небольшой деревни, где жила его бабушка. Не совсем бабушка. Старушка была лишь двоюродной сестрой настоящей бабушки, умершей давным-давно. Своих детей и тем более внуков у нее не было, и потому Слава был ее единственным родственником.

Они поддерживали самые теплые и доверительные отношения. Бабушка славилась на всю округу врачеванием народными средствами. Медицинские препараты она категорически не признавала и свято доверяла травкам и корешкам. И дефицита жаждущих людей на выздоровление у нее не было.

А вот деревню дождик лишь крылом задел, что и дало возможность Орешкину подъехать к самому крыльцу.

– Приехали, – бросил он через плечо, но ничего не услышал в ответ. Тогда он вышел из машины и открыл заднюю дверку. Девушка даже не шелохнулась. «Умерла!», – пронеслась молнией ужасная мысль, заставив сердечко учащенно затрепыхаться. Он присел и нащупал на шее девушки слабенький пульс. Девчонка прибывала в глубоком обмороке. Слава осторожно постучал в крайнее окошко избы, зная, где спит бабушка. Так же тихо приоткрылась створка окна:

– Кто там? – поинтересовалась бабушка.

– Это я.

– О, Господи, что случилось? – уже в голос воскликнула пожилая женщина. Тут же загорелся свет, и послышались торопливые, чуть шаркающие шаги. И уже через мгновение они столкнулись на крыльце. Слава нежно обнял бабушку за плечи:

– Привет, бабуль.

– Здравствуй, Ярик. Что произошло?

– Тут такое дело, баб, – Слава замялся. – Короче, у меня

в машине девушка, еле живая. Над ней надругались.

С женщины вмиг слетели остатки сна. Она приободрилась, встрепенулась и даже, как могло показаться, стала выше ростом.

– Давай, веди ее в избу. Сейчас постель приготовлю, – и она поспешила в дом, включая по ходу свет и в сенях, и на крыльце. Слава не без особых усилий вытащил девочку из машины и занес в дом.

– О, Господи! – бабушка осенила себя крестным знаменем. – Спаси и сохрани! Так, клади ее осторожненько. – Присев на краешек кровати она стала осматривать жертву насильника. – Как же земля носит таких изуверов? – и обернулась к внуку, словно тот знал ответ.

Слава через бабушкино плечо при ярком свете разглядел девочку внимательней. Да, подонок порезвился вволю. Такое совершить мог только либо умалишенный, либо человек с явно выраженными маниакальными наклонностями. Все тело девушки напоминало одну сплошную рану: синяки, кровоподтеки, ссадины, укусы сменяли друг друга, не оставляя ни сантиметра живого места.

– Ну, что встал истуканом! – резкий голос бабки вывел его из ступора. – Иди, затопи баньку. Там и вода набрана, и дрова приготовлены.

Слава тряхнул головой, скидывая оцепенение, и поспешил во двор. Зрелище было не для слабонервных. Он растопил печку в бане и присел рядом на корточки. Смотрел, как

быстро занялись сухие дрова. Грелся потому, как его начал бить озноб. Толи от холода, толи от пережитого за последние часы. В избу вернуться он не спешил. Бесцельно бродил по двору, сидел на завалинке, подбрасывал дровишек в бане. Вот уж и восток заалел, и банька подоспела.

Бабка суетилась около стола, на котором были разложены разные травы, источающие букет ароматов. Что-то шептала себе под нос, заговоры или молитвы, грустно качая головой. Девушка уже вышла из оборочного состояния, но никак не реагировала на происходящее. Большие карие глаза были пусты и бессмысленны. Слава успел подумать: «А не сошла ли девочка с ума?»

– Баня готова, – шепотом сообщил он.

– Вот и хорошо, вот и ладненько, – бабка оторвалась от своего занятия и обратилась к внуку. – А теперь слушай меня очень внимательно и запоминай, а лучше запиши. Вот эту траву положишь в чугунок ровно через один час, поставишь на плиту, на медленный огонь, и будешь каждые десять минут помешивать. Еще через полчаса добавишь вот эти травки и корешки и, уже не мешая, закроешь плотно крышкой. Пусть все кипит ровно тридцать пять минут. Выключишь, снимешь с плиты, крышку не открывай. И сразу приходишь за нами. Возьмешь вон то теплое одеяло. А я как следует, попарю девчонку. Все понял?

– Понял.

– Повтори! – грозно потребовала она. Слава повторил на-

каз слово в слово.

– Хорошо. Смотри, не перепутай!

– Она выздоровеет?

– Телом – да, а вот душою, – бабка как-то обреченно покачала головой. Оно и понятно. Пережить такое!! – Давай, неси бедняжку. И положи сразу на полок.

Слава вновь подхватил девушку на руки и осторожно вынес из дома, на что она никак не отреагировала.

Потом целых два часа он беспорядочно бродил по избе, постоянно кидая взгляды на ходики и сверяя со своими часами. Боялся, что сон одолеет его. Кофе у бабушки, конечно же, не было, приходилось частенько умываться холодной колодезной водицей.

– Институт сегодня пролетает, – говорил он громко сам себе. – Это совсем пустяки. Разговор с Борисом тоже откладывается. А вот это уже не есть хорошо. Но ничего, вот приеду в Городище, и сразу к нему домой. Там и поговорим. А что это я, решил как-то сразу отдать шанс Борьке. Не все же, в конце концов, измеряется деньгами. Да и сердцу не прикажешь, кого любить, кого игнорировать.

Непомерно долго тянулись это сто двадцать пять минут. Но все же и они отправились в прошлое. Захватив теплое одеяло, Слава поспешил во двор, к бане. Девушка сидела в предбаннике, укутанная, как мумия, в простыню. Распаренная, раздурманенная, но с тем же отсутствующим взглядом.

– Давай, неси ее в переднюю. Укутай только хорошенько, нам простуда совсем ни к чему. А я пока постель справлю, – и бабка, несмотря на прожитые годы, легко потрусила домой.

В который раз Орешкин все так же бережно подхватил девчонку на руки и пошел следом за бабкой. А та уже успела застелить кровать свежим бельем и процедить свое зелье. Положив девчонку на кровать, Слава вернулся в заднюю половину избы. Минут через десять к нему присоединилась и бабка, прикрыв за собою аккуратно дверь

– Теперь она проспит не меньше суток. А уж дальше посмотрим. Устал, внучок?

– Кофе бы.

– Сейчас я тебе отвар сделаю, лучше чем ваш кофе взбодрит. И сон как рукой снимет, и от усталости следа не останется. – Она суетливо бросилась к плите. Встрепенулась:

– А у Вики на лопатке наколка. Толи змея, толи дракон. Цветная.

– У какой Вики? – не сразу сообразил Слава. Бабка только кивнула на закрытую дверь. – А! – махнул устало рукой. – Не обращай внимания. Это сейчас модно.

– Модно? – удивилась пожилая женщина. – Это что за мода такая? Что же получается? Сейчас все украшают свое тело тюремными татуировками?!

Славе совсем не хотелось лезть с объяснениями, и он просто промолчал. Бабка поставила перед ним большой бокал с приятно пахнущим отваром.

– Может, покусать хочешь?

– Нет, спасибо, – напиток и на вкус оказался приятным, чуть терпким.

– Как живешь-то, Ярик? – бабушка села напротив, подперла голову руками.

– Да ничего, вроде.

– Может, денег надо?

– О, нет! Я ведь на работу устроился.

На что бабка всплеснула руками:

– А учеба?

– Учебу не брошу, не волнуйся. Сейчас так многие живут, и работают, и учатся. Все нормально. Все хорошо.

– Ну, слава Богу!

Отвар действовал сказочно. Тепло разлилось по всем клеточкам и жилам, но при этом усталость и желание уснуть испарились. Наоборот, он ощутил невероятный прилив сил и бодрости. Был вновь готов на очередные подвиги.

– Поеду я, бабуль.

– Поезжай, Ярик.

– Приеду только в субботу, ближе к вечеру. Может, чего привести из города?

– Да у меня все есть. Ах, вот если только бананов. В наш магазин их почему-то редко привозят.

– Хорошо, – Ярик вспомнил бабкину слабость, улыбнулся. – А может, для Вики что надо?

– Ей ничего не надо. Я ее своими средствами подниму

на ноги.

– Ну, и ладошки, – Слава чмокнул бабушку и покинул дом.

9

Борис ожидал встречи с Орехом с каким-то затаенным страхом и волнением. Понимал, что разговор получится тяжелым и, скорее всего, с предсказуемыми неисправимыми последствиями. Чувство потери просто дышало в лицо. Камнем преткновения, конечно же, будет Стелла. Классическая, такая банальная и затертая до дыр ситуация: любовный треугольник. Сколько написано, сколько фильмов снято, а единственно правильного и безболезненного рецепта, как выйти из этого лабиринта, так и не было найдено. Каждый треугольник уникален, самобытен и неповторим, требующий индивидуального решения.

«Орех – сильная и независимая личность. В нем до сих пор крепко сидит подростковый дух бунтарства и несогласия с общепринятыми канонами. И этот душок заставит его кочевряжиться и бороться. Он не примет с первого раза реальность как факт. А что в итоге? Наша многолетняя дружба даст-таки трещину, если не развалится совсем. Да! Дилемма! А ведь такая дружба дается Богом только раз. Она прошла проверку временем и невзгодами. Сколько вместе пережито и пройдено. Сколько выпито и вымучено. Терять ее,

осознанно терять, заметь это, – как-то грешно и глупо. Думаю, что и Славка это прекрасно понимает. Может, поэтому и не пришел сегодня на лекции. Отдыхает, привыкает, свыкается с мыслью, что шансы минимальные. Хотя, сколько ни откладывай разговор, он все одно состоится. По воле нашей, либо спонтанно, но он будет».

Его рассуждения прервал сам виновник дум. Слава появился в аудитории вместе со звонком и преподавателем.

– Привет, – коротко бросил он и плюхнулся рядом. В аудитории наступила, хоть и нехотя, относительная тишина. Преподаватель приступил к лекции.

– Проспал? – шепотом поинтересовался Борис. Молчать – значит, заранее обречь себя на вторую роль при тяжком разговоре.

– К бабке ездил, в деревню.

Борис хоть и пытался сдержаться, но все же острота слетела с языка:

– Ах, да. Ты же вступил в права наследства. Надо ведь перед деревенщиной преподнести себя.

– Пятерка – не VOLVO, особо не покрасуешься, – тут же, моментально, словно это была домашняя заготовка, отреагировал Орех.

«Так, значит, мои ожидания оправдались. Орех на взводе. В состоянии войны. Стоит только пробежать искорке, и порох взорвется, разнесет все к ядерной матери».

– Напиши свой номер телефона. Я собираюсь после заня-

тий купить мобильник, – через пять минут уже совершенно спокойно сказал Слава.

– Наконец-то, – Борис тоже старался привести нервы в спокойное состояние. Чиркнул на листе номер, протянул. Слава только бросил взгляд на бумагу.

– И номер Стеллы заодно.

– Зачем? – Борис одернул руку, скомкав листок.

– На всякий случай, – невозмутимо ответил Слава и внимательно глянул на друга, который так некстати побледнел.

– Понимаешь, – начал было осторожно, и на том решимость его и закончилась.

– Ты с ней встречаешься? – Орех помог ему.

– Ну, вообще-то, да.

– И как? – готов был внутренне к такому повороту Слава и потому принял ответ с завидным равнодушием и спокойствием.

– Она хорошая. Умная. Высокообразованная, интеллигентная девушка.

Орех даже глаза прищурил. Знал, куда клонит друг, бьет ниже пояса. Ему бы остановится, да чувства переполняли душу:

– А что такое: интеллигентность? Что ты вкладываешь в это понятие?

Борис тоже не отличался хладнокровием и принял вызов. Дуэль – так дуэль. Отступать и он не привык:

– С ней всегда интересно. Стелла способна поддержать

разговор на абсолютно любую тему. Будь то литература, классика и современная альтернативная поэзия. Музыка, хоть органная, хоть народная. Архитектура и живопись, мода и политика, кино и спорт. Разносторонний, образованный человек со своими неординарными взглядами.

– Да?! – с большой примесью иронии удивился Слава. – И, по-твоему, вот в этом и заключена интеллигентность?

– А в чем? – Борис начал заводиться не на шутку, теряя самообладание.

– Ну, извините, господа! – артистично развел руками Орех. – Я тоже знаю про Бетховена и Верди, но не смогу отличить «Лунную сонату» от «Аиды». Я читал Бальзака и Гюго, но предложи мне отрывок, и я не смогу по стилю определить, кто автор. Я знаю, что Айвазовский – маринист, а Пикассо – основатель кубизма. Знаю, что Растрелли построил Зимний дворец, но отличить ампир от рококо – не могу. А еще в голове кружатся с добрый десяток имен великих философов, но в чем разница идей Канта и Ницше – извините. А ведь между тем, ты тоже считаешь меня интеллигентом. Так?

– И? – Борис был в легкой растерянности. Он не знал, куда клонит разговор друг детства.

– А то, – пояснил Слава, – что эти все знания я почерпнул не из умных книг. Я просто в огромном количестве разгадывал кроссворды. У меня поверхностные знания, можно сказать: дилетантские. И только среди глупцов я кажусь таким

умным, таким образованным, интеллектуалом и энциклопедистом.

– Кх-кх! – раздалось совсем рядом.

Друзья замолчали и оглянулись. Декан стоял совсем рядом и не без доли любопытства смотрел на них. Их словесная полемика давным-давно перешла с шепота на полногласие и попала на всеобщее обозрение. А они даже этого и не заметили.

– Не кажется ли вам, молодые люди, что вы ошиблись с факультетом? Зачем вы пошли на финансово-экономический? Гуманитарный надо было выбирать.

– Извините, Нина Петровна, – Слава поднялся с места и чуточку порозовел.

– Даже ваши искренние извинения, господа философы, не делают вас интеллигентами. Интеллигент никогда не позволил себе так вести себя на лекции педагога. Заслуженного педагога. Женщины. Пожилой женщины, – с ощутимыми паузами сказала Нина Петровна и стала спускаться к трибуне.

10

Олег Сладкомедов поехал обедать в свой ресторан. Он не особо светился в столь престижном месте, но пришло время получить деньги, да и обстановку проверить совсем не мешало. Серьезный разговор с директором, наконец-то, назрел. Ресторан в разгар дня был заполнен меньше чем на-

половину. Это и понятно, деловые и обеспеченные граждане оттягивались тут по вечерам. Хотя VIP-комнаты почти не пустовали никогда. Политики, творческая элита и криминальные авторитеты предпочитали укрыться ото всех, уединиться для частных свиданий, для деловых обедов и встреч по бизнесу. Многие кабинки были «именными», оформлены под вкус хозяина. Вот и у Олега Ивановича был свой уголок, где он мог полностью расслабиться и забыть-ся. Не успел он удобно расположиться на мягком диване и ослабить узел галстука, как тут же в дверь, словно нашкодившая мышка, остороженько так заскребли. Олег лишь усмехнулся в пушистые, чуть подернутые сединой усы. Ему приносило огромное удовлетворение от ощущения себя всемогущим господином и от раболепства прислуги. Предвкушая заранее спектакль, который разыграет сейчас Судак после проступка, будет преданно смотреть в глаза и пускать слюни.

– Да! – властно позволил он, и в кабинет бочком ввалился директор. Вид у него был потрепанным. Нос сломан и облеплен пластырем неумелой медсестрой, припухшие глаза в оправе сочных синяков. Руки предательски мелко дрожали, когда он аккуратно на краешек стола положил конверт с недельной выручкой, а также интересную справку.

– Садись! – приказал ему хозяин. Конверт, словно по велению волшебной палочки, исчез во внутреннем кармане пиджака. Для изучения документа пришлось достать очки

в золотой оправе и внимательно, несколько раз, прочитать неразборчивый почерк. – Так, так, – выбил пальцами на столешнице ныне очень популярный мотивчик. – Все-таки решился закодироваться?

– Ну, да, – проямлил Рыбкин.

– Работу боишься потерять? – Олег постепенно увеличивал властные нотки в голосе.

– Да.

– Или в тюрьму боишься сесть? За свои-то сексуальные подвиги?

Рыбкин залился краской, а глаза и впрямь стали очень похожими на глаза замороженного судака.

– Боишься, боишься, – довольный самим собой, усмехнулся Сладкомедов. – Там ведь вмиг из класса рыб переберешься в класс птиц.

Директор понял намек, и холодная испарина мгновенно покрыло его красное лицо.

– И что тебе проституток, что ли, не хватает? – уже искренне поинтересовался Олег. – Или денег жалеешь? Не понимаю. Ну, зачем тебе насиловать простых девчат? Да не мямли ты, словно баба!

– Да эти суки сами просят, чтобы их оттрахали.

Олег сморщился:

– Прошу не произносить при мне этот тюремный жаргон.

– Извините. Эти малолетние соплячки надевают мини-юбки, аж трусики видать. Они же всем своим видом по-

казывают, что всегда готовы к совокуплению. Весна, гормоны беснуются, вот я и теряю контроль.

– Голову ты теряешь, и гормоны свои алкоголем разбавляешь. Страшный коктейль! – поддел Олег. – Расквadrat твою гипотенузу! Ну, да ладно. А кто это тебя так отделал? Запомнил?

– Нет.

– Совсем ничего?

– Только черный чемодан. Этот ублюдок держал в руках черный чемодан! Все, больше ничего не видел.

– Не густо.

– Олег Иванович, у меня к вам огромная просьба.

– Слушаю.

– Одолжите мне на пару дней Банзая с его ребятами.

Сладкомедов нахмурил брови, мысли тяжеломерно перекачивались в голове.

– Значит, все-таки наследил. А?

– Девчонку надо просто найти, – сознался Судак, низко опуская голову.

– Понравилась, что ли? – съязвил Олег. – Но знай: Банзай дорогой специалист.

– Я понимаю.

– Тогда бери, но чтобы подчистил все свои следы. Чтобы все было так, как на простыне у девственницы. Все, свободен пока! Обед несите! – и Сладкомедов откинулся на спинку шикарного дивана.

Городище был, пожалуй, самым молодым и современным городом России. Он бурными темпами рос и ввысь, и вширь. Микрорайоны росли, как грибы после мелкого и долгого дождичка. Большое значение власти уделяли и озеленению. Скверы, парки, аллеи и клумбы с цветами мирно соседствовали с каменными джунглями, придавая последним яркий колорит и домашнюю уютность.

У студентов города был свой район, который в народе назывался «Альма-матер». Здесь расположились несколько ВУЗов, техникумов и училищ, а к ним прилагались пункты общественного питания, библиотеки, спортивный комплекс и ночные клубы. Эдакий городок в самом центре большого города. На его территории ходила даже своя импровизированная валюта, а в вечернее время работала и таможня, пропуская лишь лиц со студенческими билетами.

Стелла покинула здание института в компании подружек и друзей. Пообщавшись еще некоторое время, шумная компания постепенно рассосалась. И день выдался удачным, и вечер обещал быть загадочно-приятным. Потому и настроение так и плескалось через край, одаривая прохожих радужными флюидами.

– Привет!

– Привет! – девушка не смогла скрыть радостной улыбки от неожиданной встречи с Борисом. – Ты как здесь?

– Тебя жду, – он подхватил ее за локоток и подвел к автомашине, которая красовалась на автостоянке.

– VOLVO? Здорово! Твоя?

– Моя! – он распахнул дверку. – Прошу Вас, леди.

Стелла села на мягкое сиденье и, пока Борис обходил машину, успела подумать: «Мой выбор, кажется, оправдан». – А ты завидный жених, – сказала она вслух.

Ох, как же понравилось самовлюбленному Борису это словосочетание. И не смог он удержаться, чтобы похвастаться:

– У меня и квартира собственная имеется. К субботе там закончится ремонт, и я подумываю устроить небольшую вечеринку, отметить новоселье.

– Вау! Отличная идея!

– Первое персональное приглашение я вышлю тебе. Уже заказал товарищу красочные фляеры.

– Спасибо.

Борис завел автомобиль, и вскоре они покинули студенческий городок и остановились возле новенького «Парка Атракционов», который еще не функционировал, а только завершал подготовительные работы для нового сезона.

– Я приглашаю тебя на романтическое рандеву.

– Сюда?

– Как ты относишься к сюрпризам?

– Наивный вопрос. К приятным сюрпризам – с удовольствием.

– А давай рискнем? – задорно перебил ее Борис и вышел из машины. Помог Стелле покинуть уютный салон и, прихватив с заднего сиденья пакет, повел ее в парк. Работа в парке бурлила и кипела: красили скамейки, латали асфальтированные дорожки, сажали цветы и убирали мусор. Борис подвел девушку к «Чертовому колесу». О чем-то быстро переговорил с механиком, который занимался обслуживанием этого аттракциона.

– Прокатимся? – вернулся он к Стелле.

– А, давай! – предвкушение просто распирало ее.

Они забрались в новенькую пластиковую кабинку и тут же начали медленно поднимать вверх.

– Мы с тобой первые в этом году и, заметь, единственные открыватели нового сезона, – с пафосом заявил Борис, на что Стелла ничего не ответила. Просто у нее захватило дух от детского восторга. Постепенно они поднимались все выше и выше, а панорама города с неохотой открывалась вся в своей красе. Вид на Городище с высоты птичьего полета ничего, кроме восхищения, вызывать не мог. Здания превратились в макеты, что красовались на выставке студентов-архитекторов, автомобили ярко напомнили детство. Она больше кукол любила играть с разноцветными машинками. А люди. словно муравьи, куда-то все спешили, как казалось, беспорядочно топали по крохотным тропинкам. Палитра кра-

сок не укладывалась в голове. А великая Волга преворачивала сознание. Ветерок окутывал прохладой и свежестью.

– Класс! – выдохнула Стелла. – Лепота!

И тут кабина, чуточку вздрогнув, остановилась в самой высокой точке.

– Что это? – в одно мгновение восторг сменился паническим страхом, который Борис поспешил потушить:

– Не бойся, все хорошо! – он достал из пакета бутылку шампанского, два хрустальных фужера и коробку шоколадных конфет. – Это дебют сюрприза.

– «Вдова Клико»? – Стелла была поражена всей торжественностью момента.

Борис прокашлялся и начал говорить:

– Стелла, встреча с тобой была такой же прекрасной и головокружительной, как путешествие в этом колесе. Я бы даже сказал «чертовски прекрасным». Я никогда раньше не чувствовал такое. У меня словно крылья за спиной. Хочется летать, хочется совершить что-то такое эдакое. Я постоянно чувствую твое присутствие. Мысленно разговариваю, советуюсь, делюсь новыми ощущениями.

Стелла сидела, затаив дыхание, и совсем не от высоты. Было так приятно слушать объяснение в любви. А Борис вздохнул как-то тяжело и почему-то обреченно продолжил:

– Я люблю тебя, Стелла. Вот! – он достал из кармана бархатную коробочку.

– Ты делаешь мне предложение?! – удивилась Стелла.

– Я, конечно, понимаю, что знакомы мы без году неделя. Что так мало мы знаем друг о друге. И все же. Это обручальное колечко я дарю тебе в знак своей любви. И хочу, что бы оно постоянно напоминало тебе об этом. Есть на свете любящее тебя сердечко, которое готово на любые жертвы и подвиги. Я не тороплю тебя с ответом. Когда ты почувствуешь ко мне хоть йоту того, что сейчас чувствую я, тогда и ответишь. А я умею ждать.

– Хорошо, – Стелла открыла коробочку. – Вау! Какое оно красивое! – На красном бархате покоилось колечко из белого золота с маленьким бриллиантом. – Но это, наверное, очень дорогое колечко?

– Примерь, – Борис сам взял колечко и надел на палец девушке. – В раз.

– Спасибо.

Борис открыл шампанское и наполнил фужеры.

– За тебя!

– За нас! – она почти напрямую ответила на его предложение.

12

Орешкин вышел из дома рано. В институт предстояло добираться в общественном транспорте, а для этого всегда необходимо было иметь в запасе минимум тридцать минут. Да и позавтракать в доме оказалось нечем. Тараканы, будь

они в наличии, попросили бы наверняка у соседей политического убежища. Около дома он увидел знакомую серебристую VOLVO. Да и Борис не дал времени на маломальские раздумья, вышел из машины.

– Привет.

– Привет, – с небольшим удивлением ответил Слава.

– Решил сделать небольшой крюк и за тобой заехать.

– Понятно. Знаешь, я не завтракал.

– Без проблем. Заскочим по дороге. Тут недалеко открылось новое кафе. Там варят настоящий кофе по-турецки. Я угощаю.

– Поехали.

Кофе и впрямь был потрясающий. И не было в том, с экономической точки зрения, ничего удивительного. Заведение было молодое, только накануне распахнувшее двери. Необходимо было привлекать посетителей низкими ценами на отличное качество.

– Поговорим?

– Поговорим.

Юношеский пыл и взъерошенность прошли, и разговор полился в спокойном русле.

– Вот мой номер телефона. Мобильник-то купил?

– Вот, – не смог сдержаться Орех, чтобы не хвостануть.

– Ого! Да ты приобрел самый трендовый. Дорогой, небось?

– Разумом, конечно, я понимаю, что телефон – это не рос-

кошь, а средство общения, – грустно усмехнулся Слава. – Но, увы, с душевными порывами не справился. Знаешь, оказывается, это так интересно: камера, музыка, игры, SMS и MMS. Жаль, что в наше подростковое время не было таких игрушек.

– Дорогие игрушки требуют постоянного капиталовложения.

– Несомненно.

– А вот номер Стеллы я тебе не дам, извини, – прелюдия закончилась, пошла, как говорится, горячая вода.

– Все так серьезно?

– Да, – Борис покрутил в руках пустую чашку, собираясь с мыслями. – Орех, мы же с тобой взрослые люди, нам не к чему творить бурю в стакане. Ты все сам прекрасно понимаешь.

– Конечно. Априори, что у меня изначально шансы были минимальны.

– Вот и хорошо.

– И давай закроем эту тематику, – предложил Слава, хотя это далось ему с большим трудом. Он где-то в глубине души не смирился, но сейчас его положение больше напоминало барахтанье и отчаянье аутсайдера. Демонстрировать это не хотелось вовсе.

– Тогда нашей дружбе ничего не грозит?

– Нет, – просто пожал плечами. – Наверное, нет.

И это короткое слово «наверное» резануло по сердцу от-

точенным лезвием.

– Почему «наверное»? – губы вмиг пересохли.

– Если ты сам не погубишь ее своей ревностью.

– Ревностью?

– Пойми только одно: любому мужику будет трудно сдерживать свои эмоции, находясь рядом с такой шикарной девчонкой. И я не исключение. Я могу и комплимент сказать, и цветы просто так подарить, одним словом – оказать знаки внимания.

– Понятно, – Борис как-то сник, даже обреченно голову опустил. Таким растерянным Славка его еще никогда не видел, даже усмехнулся горьковато.

– Только хочу сразу же расставить все точки: у меня будут только дружеские намерения. Я никогда не встану у тебя на пути. Я никогда не переступлю черту. Я никогда не предам тебя и в спину не ударю.

Лицо друга мгновенно просветлело.

– Спасибо! – тяжелый груз свалился с плеч. Он-то, как никто другой, знал, что Орех – человек слова, и если что сказал, так оно и будет, несмотря ни на что! – Знаешь, я решил пожить самостоятельно. Мне ведь от дяди квартира досталась. Сейчас там ремонт заканчивается. Вот я и решил устроить новоселье в эту субботу, в восемнадцать ноль-ноль. Не опаздывай.

– Самостоятельно?

– Ага.

– Ты устроился на работу?

– Ой, Орех, только не надо, – Борис засмеялся, ликвидируя остатки напряжения в воздухе. – Я же знаю, чего ты этим хочешь сказать. Конечно же, родители будут меня содержать. Так что пусть не самостоятельно, а отдельно. Ты-то, придешь?

– Суббота? Извини, не могу. Бабушке обещал приехать, помочь надо.

– Жаль.

– И потом: первое время мне лучше не встречаться со Стеллой. Пусть чувство мое остынет окончательно. Так будет правильно.

Борис был сражен таким благородством:

– Спасибо, друг.

– Поехали, иначе на лекции опоздаем, – широко улыбаясь, сказал Слава.

И только ему одному было ведомо, сколько мужества понадобилось, сколько нервных клеток сгорело, сколько душевных сил потрачено на то, чтобы принять такое решение.

13

Олег выиграл партию в теннис у своего охранника и был очень довольный своими действиями на корте. Он сидел в плетеном кресле, неспешно потягивал сок и любовался мелкой рябью на поверхности бассейна. Идиллию нарушил

легкий перестук каблучков по брусчатке. Он безошибочно определил, что это Стелла.

– Поздравляю с уверенной и красивой победой, – она присела в соседнее кресло.

– Ты видела?

– Наблюдала с балкона. Сколько эйсов сегодня сделал?

– Пять! – Олег растянулся в довольной улыбке, но уже через мгновение она испарилась с его лица. Ох, не зря его любимая доченька пришла с поздравленьями. Хитростью и коварностью она на порядок превзошла его самого. Вот и завела разговор издали, акцентируя на его любимое времяпровождение. Сама-то она не очень жаловала большой теннис. Торопить течение беседы он не спешил, было даже любопытно, как дальше поведет себя девочка, насколько профессионально в ней сидит дипломат.

– По-моему, охранник слишком слабый спарринг-партнер для тебя, – так, пошла лезть.

– На безрыбье и рак – рыба. Что делать-то? Теннис теперь не в моде, – Сладкомедов умело держал дистанцию, не давая ни малейшего повода для смены темы разговора. И видел, как дочь осторожно покусывала губы от отчаянья, что беседа не желает свернуть в нужное русло. Лихорадочно перебирала в уме продолжение диалога.

– Но курс-то остается прежним. Здоровая нация! Все на стадионы!

– Что-то только я тебя не наблюдаю в этом потоке, – Олег

улыбнулся, видя терзания дочери.

– Учеба отнимает много сил и времени.

– И как она?

– Нормально. Справляюсь, – неизбежное молчание все-таки наступило. – Папа. Мне надо сказать тебе что-то очень важное.

– Слушаю, – скрыл улыбку, потягивая сок из высокого бокала.

– У меня появился парень.

– Да неужели? – даже немного разочарованно протянул Олег. – И какой по счету?

– Ой, только прошу тебя: без иронии. Это на самом деле очень серьезно. Я влюбилась, по-настоящему.

– Интересно, – продолжил, однако, в том же духе Сладкомедов, хотя стал припоминать о больших переменах в поведении дочери. Особенно в последнее время. Она как-то повзрослела и поумнела. Но делать окончательные выводы он все-таки поостерегся.

– Вижу, что ты по-прежнему видишь во мне несмышленного и капризного ребенка. Мне не следовало заводить этого разговора. – Стелла встала, собираясь покинуть его.

– Подожди, – отец поймал дочь за руку и заметил колечко. – Что это?

А ведь он полностью контролировал все расходы и жены, и дочери. Да и теперь был уверен, что дочь не сама себе сделала столь недешевый подарок. И Стелла подтвердила догад-

ки:

– Это Борис мне подарил.

– Обручальное?!

– Окончательного ответа я пока не сказала.

– А вот это ты правильно сделала, – обрадовался Олег. – Садись. Садись, садись. Расскажи-ка все батьке, кто он, что он? Кто его родители, чем занимаются?

– Вот этого я и боялась, – ответила Стелла, но в кресло вернулась.

– Что именно?

– Что ты попросишь на него полное досье.

– Девочка моя, что же в этом плохого? Я же должен знать, кто и что претендует на руку и сердце моей единственной дочери и наследницы.

– Он просто хороший человек, и все! Мне кажется, что это главное.

– Не спорю, – удивительно легко согласился отец, что не могло не встревожить.

– Он студент, учится на финансово-экономическом факультете. Про родителей ничего не скажу, потому что не знаю ничего. Кажется, что оба они работают в налоговой полиции. У Бориса своя квартира и машина.

– Да, недурно живут студенты. Жаль, конечно, что все это не он сам заработал.

– Не ёрничай, папа, я ведь тоже еще ни одного цента не заработала, а катаюсь сыром в масле.

– Ну-ну, – улыбнулся Олег.

– Так вот, я просто ставлю тебя в известность, что мы с Борисом решили пожить вместе.

– То есть? – Олег едва не выронил бокал из дорогого сорта хрусталя.

– Только не надо переигрывать. Ты все прекрасно понял. И это не шокирующая ситуация, сейчас так многие живут. А если у нас все хорошо будет складываться, тогда и распишемся. – Она решительно встала. Во всей ее позе читался вызов. Каприз, который не потерпит ни обсуждений, ни категорического запрета. Это больше всего и задело Сладкомедова.

– Хорошо, – легко согласился он, чем поверг дочь в крайнее удивление. Однако это длилось лишь короткое мгновение. – Только я перекрою тебе денежный поток.

Удар был нанесен мастерски, но Стелла уже «вошла в пике», а сил выйти из него не хватило:

– Обойдемся, – и, гордо держа симпатичную головку, пошла в дом.

14

Дом бабушки был закрыт изнутри. И это в светлое время суток?! Что-то было даже подозрительно. Слава забарабанил в дощатую дверь крыльца и, наконец-то, уловил тихие, крадущие шаги.

– Кто там? – раздался молодой, с большой примесью страха, девичий голос.

– Это я, Ярослав, внук, – представился Орех.

Послышался звук откинувшегося засова, и дверь распахнулась. На миг Ярик потерял дар речи. Сначала ему показалось, что он видит самого себя в подростковом возрасте. Понял, что такой эффект дало то, что на Вике были надеты его старые потертые, в порезах, джинсы и футболка с символикой футбольного клуба «Спартак. Москва». Каштановые волосы лежали на плечах, переливались в лучах ласкового солнца и излучали здоровый блеск. Глаза коньячного цвета в полном окружении пушистых ресниц теперь были живыми, теплыми, глубокими. Однако страх и осторожность плескались в них на самой поверхности.

– Привет.

– Привет, – Вика посторонилась, пропуская парня в сени, и тут же вновь торопливо накинула засов.

– А где бабуля? – не ко времени пришла крылатая фраза из советской комедии.

– В лес ушла.

– В лес? – удивился Слава. Они уже прошли в избу. Слава стал разбирать сумки с продуктами, рассовывая по шкафам и холодильнику.

– Баба Лиза говорит, что в лесу уже появились первые лечебные травки.

– Понятно.

– Она попросила накормить тебя щами и пирогами.

– Обед мне не помешает, – освободив сумки, Слава уселся за стол и стал наблюдать, как Вика не очень умело действовала ухватом, доставая из недр печки чугунок со щами.

– Сама-то обедала?

– Аппетита нет.

– Это не пойдет. Знаешь, я как-то не привык питаться в одиночестве. Придется тебе составить мне компанию. – Он вскочил и стал помогать девчонке, нарезал хлеб, достал сметану. – Давай из одной чашки, как в детстве? – и протянул ей ложку, широко улыбнулся. Вика ответила натянутой, какой-то вымученной улыбкой, но ложку взяла. Ели они неторопливо, щи были просто огненными. Потом наступила очередь чая с пирогами. Слава сознательно не интересовался ее здоровьем, боясь напомнить о той кошмарной ночи. Говорить о чем-то другом с совершенно незнакомым человеком было как-то проблематично. И потому они оба молчали, и каждый ждал возвращения бабушки как спасения от неловкой тишины. Первой такое напряжение не выдержала Вика:

– Я, наверное, должна поблагодарить тебя, – пряча взгляд, сказала она.

– Не обязательно. – Мимолетная мысль озарила его, и он протянул ей мобильный телефон. – Тебе, наверняка, надо позвонить. Родные беспокоятся.

– Спасибо, свой я потеряла, – она несмело посмотрела

на него. Слава понял, что ей хотелось остаться одной.

– Пойду, баньку истоплю, – и он вышел во двор.

Не успел он натаскать воды и растопить печку, как из леса вернулась бабушка.

– Во! Молодец. Сам догадался или кто подсказал.

– Привет, бабуль, – он чмокнул ее в щечку, подхватил корзинку с травками и корешками. – Как она? – кивнул он на дом.

Бабушка тяжело вздохнула:

– Долго она еще будет просыпаться от собственных криков.

– Оно и понятно.

– А уж ненависть к мужикам может вообще никогда не пройти.

Они вошли в дом, и Слава убедился в правоте мудрой женщины. Если Вика наедине с ним была зажатой, скованной, напряженной, то, едва увидев бабушку, ее лицо прояснилось. Стало совсем таким миленьким и симпатичным. Она бросилась хлопотать около плиты, разогревая щи и чай.

– Опять навез продуктов!?! – проворчала бабка, заглянув в холодильник. – Зачем деньги на старуху тратишь?

– Не с пустыми же руками ехать?

– Сам приехал – и, слава Богу, – она еще немного поворчала, так, для проформы. Видно было, как приятны внимания и забота внука.

– Пойду, дровишек подкину, – Слава вышел во двор,

оставляя женщин наедине.

– Баба Лиза, мне домой надо.

– Прямо сейчас? – удивилась бабушка. – Ночь уже не за горами. Вот Ярик поедет завтра и тебя заодно захватит. И не спорь со мной, мне так будет спокойней.

– Но я живу в Энске.

– В Энске? Ну, ничего, сделает крюк. Поедете другой дорогой, – она говорила тоном, не терпящим возражений.

– Крюк-то в сто пятьдесят верст получается, – слабо улыбаясь, ответила Вика.

– Ничего, девочка, не беспокойся. Он согласится, и уговаривать не придется. Он никогда не останавливается на полпути. Раз начал дело, так доведет до конца.

В дом вошел герой бабушкиных рассуждений.

– Баня готова. Кто первый?

– Мы пойдем, – поднялась с места бабушка. – А то потом у нас по телевизору кино хорошее реклама обещала. Сейчас только травки подготовлю, обдадим кипятком и на каменку положим. Дух будет и полезным, и приятным. Собирайся, внученька.

Они ушли. Слава прошел в переднюю, решил поинтересоваться, на какой фильм реклама раскрутила его бабулю. На пороге он остановился: комната преобразилась. Кругом были расставлены бумажные фигурки зверят, птиц и цветов. «Оригами», – догадался он, внимательно разглядывая искусно сделанные фигурки при помощи только рук и ножниц.

– Здорово! – вслух поразился он. А потом его взгляд упал на прикроватную тумбочку, где лежали сережки. Он присел на кровать и бережно взял в руки этот шедевр ювелирного искусства. Эпитет не был раздутым, просто иных слов не находилось, чтобы описать всю красоту, которая завораживала и манила. Золото самой высокой пробы. Нити как бы окутывали драгоценный камень ярко-красного цвета в форме капельки воды. Словно камешек покоился в сумке-авоське. Была когда-то такая сетка для продуктов. Камешки играли, преломляли свет во все цвета спектра. Потрясающе!!!

Слава не очень разбирался в драгоценных камнях, но сейчас он был уверен абсолютно в одном: камни настоящие, раз окутаны чистым золотом, и, наверняка, стоили очень дорого. Он напряг зрение, поднес серьгу ближе к настольной лампе, и смог таки разглядеть вычурный вензель «Н.Р.». Значит, вещица, к тому же, старинная и эксклюзивная.

Любуясь игрой камешек, он потерял счет времени и вернулся в действительность лишь тогда, когда услышал голоса на крыльце. Ругнувшись, он поспешил на кухню, словно скрываясь с места преступления. Поспешно поставил на плиту чайник. Бабушка станет ворчать, она любила после баньки выпить пять-шесть чашек ароматного, свежезаваренного черного чая. И не ошибся.

– Чай, конечно, не готов, – едва переступив порог, заявила она. Слава виновато развел руками:

– Я же не знал, что вы так быстро. Что, банька не удалась?

С легким паром.

– Быстро? Полтора часа, это быстро? – ворчала бабка. – Ладно, иди сам помойся. А то от тебя городом за версту несет.

Ярик засмеялся и вышел в сени.

А вечером они втроем сидели в передней и смотрели телевизор. Слава сел в дальний угол комнаты с таким расчетом, чтобы было можно незаметно понаблюдать больше за Викторией, чем за перипетиями «мыльной драмы». Она внешне казалась очень спокойной, но вот руки выдавали ее внутренне состояние. Она смотрела на экран, а руки вырывали из тетрадки очередной листок, который уже через мгновение превращался то в розочку, то в забавного щенка.

15

В кабинетную дверь настойчиво постучали и, не дожидаясь разрешения, широко распахнули. Судак едва успел убрать со стола порнографические снимки, которые любил рассматривать все свое свободное время. Хотел уже смачно выругать наглеца, что посмел нарушить его уединение, но слова так и застряли в горле. На пороге нарисовался Банзай.

– Можно? – риторически поинтересовался бригадир, так как был уже в кабинете.

– Садись, – пригласил его жестом Рыбкин. – Чай, кофе, а,

может, чего и покрепче?

– Я за рулем. А вот минералку без газа выпью с удовольствием.

Рыбкин подошел к мини-бару и достал бутылочку воды, которая через мгновение покрылась капельками влаги.

– Шеф сказал, что я поступаю в твое полное распоряжение, – фамильярно, без всяких предварительных раскачек, сказал Банзай.

– Да. Олег Иванович разрешил мне поработать с тобой две недели.

– А оплата будет как за месяц, – тут же выпалил свои условия бригадир и озвучил сумму гонорара.

Судак непроизвольно громко сглотнул ком в горле и выпил залпом большой бокал ледяной воды.

– Согласен я! – выбора у него особо не было.

Банзай самодовольно откинулся на спинку кресла. Глотая минералку маленькими глоточками, мысленно он уже пересчитывал большой куш.

– Какие проблемы надо утрясти?

Судак нервно откашлялся:

– Мне надо найти одного человека, – и замолчал.

– Ой, вот только не надо этих длительных молчаний. Я не ребусы пришел разгадывать. Говори конкретно и по делу. Кого найти, и что найти. Не разводи волокиту и пустой базар, – раздраженно заявил Банзай.

– Хорошо, хорошо, – Рыбкин понял, что видит перед со-

бой представителя homo, но никак не sapiens. Думать Банзай не умел, на жизнь хватало силы и наглости. – Надо отыскать одну девчонку.

– Ту самую? – усмехаясь, спросил боевик. – Что, такая сладенькая?

Рыбкин покраснел от гнева и бестактности наемника, но сейчас он не мог диктовать свою волю. В этой игре он был вторым номером.

– Да, – коротко и непонятно, на какой их двух вопросов, ответил он.

– Хорошо, найдем. Давай гони конкретику.

– Подобрал я ее около «Альма-матер». Наверное, она студентка. Как зовут, не знаю.

– Ты что, даже не познакомился с ней?

Судак напрягся.

– Я затащил ее силой. Никто и не собирался интересоваться именем ее.

– Понятно.

– Все.

– Все? – Банзай аж подпрыгнул в кресле. – Как все? Это похоже на сказку: иди туда, не зная куда, принеси то, не зная что. Ты знаешь, сколько смазливых девчонок в «Альме»? Пруд пруди. Приметы какие-нибудь имеются. Родинка? Одежда?

– Одежду я всю изодрал. А насчет особых примет? – Судак тщетно напряг извилины. – Да не было никаких особых

примет. Темные волосы, глаза, вроде, тоже темные. Губки маленькие, пухленькие, – он вовремя остановился. Не хотелось перед холуем рассказывать о молодом, упругом, девичьем теле.

– Маловато, – Банзай нервно постучал пальцами по столешнице.

Рыбкину так не хотелось говорить про кулон. Он-то понимал, что это вещь почти бесценная. Бриллиант чистой воды, искусной огранки и очень редкого цвета. И пока он раздумывал, говорить или нет, Банзай согласился:

– Ну, да ладно. Попробуемся. – Он легко вскочил и, не прощаясь, покинул душный кабинет.

16

Машин на этой второстепенной трассе до города Энска было немного, несмотря на то, что, по логике, дачники должны воскресным вечером возвращаться в город. Потому Орешкин и позволил себе прибавить скорость, хотя с его мизерным водительским стажем это было нежелательно. Все внимание было приковано к дороге. Вика расположилась на сиденье так, что в зеркале заднего обзора не просматривалась. Иногда она не сдерживалась, и тяжелые вздохи вырывались наружу. Молчание с каждой минутой становилось все гуще, тяготило, удручало.

– Может, ты рано сорвалась с места? Бабушка бы еще под-

лечила тебя, – нарушая тишину, сказал Слава.

– Нет, у меня все нормально, – лаконично ответила девушка.

Возможности для продолжения разговора она не предоставила, и тишина вновь навалилась с большей силой. В машине у Ореха не было магнитолы, и радио не работало, о чем сейчас он очень сожалел. Спрашивать причины ее плохого настроения и вздохов – значит, причинить дополнительную боль. Равносильно тому, что посолить еще открытые раны. А эти душевные раны, как говорит бабушка, могут вообще никогда не затянуться. У девчонки на всю жизнь останется страх перед мужчинами, который со временем перерастет в фобию, а там и до нервного срыва недалеко.

– Меня просто выгонят из дома, – вдруг тихо произнесла она.

– За что? – искренне удивился Ярик.

– Меня просто выгонят из дома, – монотонно повторила Вика, и Слава догадался, что она просто говорит сама с собой. И он не решился больше прерывать монолога, иногда полезно просто выговориться, не дожидаясь участия визави. – Предки, конечно же, войдут в мое положение. Поймут состояние. И даже, может быть, пожалеют. Может быть, – Вика говорила с расстановкой, делая продолжительные паузы между предложениями. – Но вот что они никогда мне не простят – так это потерянный кулон. Украденный кулон. Хотя для них это не имеет большой разницы. Итог-то все одно будет один.

Печальный итог. Гарнитур теперь неполный. Я не имела право брать его. – Она замолчала. И надолго. Орешкин долго не мог нарушить вновь возникшую тишину, но решился-таки:

– А какой кулон?

Вика ответила не сразу:

– Дорогой. Ты видел мои сережки?

– Видел, – не оборачиваясь, ответил Слава и слегка покраснел.

– Кулон входит в гарнитур. Такой же, только бриллиант намного больше, но того же редкого цвета и кристальной чистоты. Отшлифован камень в виде большой капли. Такая большая капелька крови, окутанная золотыми нитями.

– Не все же мерится деньгами.

– Да, по большому счету, не в стоимости дело. Это очень старинный набор, ему больше ста лет. Еще моей прабабушке этот гарнитур делал на заказ сам Наум Рапопорт! Был такой знаменитый ювелир на рубеже XIX и XX веков. И даже это не главное! Гарнитур стал нашей семейной драгоценностью. Мои предки бережно хранили его все эти годы. Ни гражданская война, ни революции, не голод тридцатых годов, ни блокада Ленинграда, когда люди за кусок черствого хлеба отдавали целые состояния. Даже когда деда арестовали, а потом и расстреляли без суда и следствия как врага народа. Ничего и никогда!!! Никакие лихолетья, никакие невзгоды не помешали сохранить гарнитур. И на тебе! На-

шла одна дурочка, Виктория. Захотелось, видите ли, ей перед подружками похвастать, да на тусовке покрасоваться. Уж лучше бы этот ублюдок убил меня.

В ее словах и голосе было столько отчаянья и горечи, что Орешкин, пораженный их глубиной, не смог ничего ответить. Трудно подобрать слова утешения.

– Все мысли только и выются пониже пупка, а голова – лишь для приема пищи и алкоголя. Ненавижу мужиков!!!

После столь резкого заявления что-либо говорить было излишним. Хорошо, что они в это время подъехали к Энску.

– Ты скажи, куда и как мне ехать. Я в вашем городе ни разу не был, – попросил Слава, не подозревая, что в скором будущем поездки в этот славный городок станут для него привычным делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.